

Аркадий Гайдар

Военная тайна

Книга: А.Гайдар. Собрание сочинений в трех томах. Том 1
Издательство "Правда", Москва, 1986
Иллюстрации М.Пинкисевич
OCR & SpellCheck: Zmiy (zpdd@chat.ru), 13 декабря 2001

И из-за какой-то беды поезд два часа простоял на полустанке и пришел в Москву только в три с половиной. Это огорчило Натку Шегалову, потому что севастопольский скорый уходил ровно в пять, и у нее не оставалось времени, чтобы зайти к дяде.

Тогда по автомату, через коммутатор штаба корпуса, она попросила кабинет начальника - Шегалова.

- Дядя, - крикнула опечаленная Натка, - я в Москве!.. Ну да: я, Натка. Дядя, поезд уходит в пять, и мне очень, очень жаль, что я так и не смогу тебя увидеть.

В ответ, очевидно, Натку выругали, потому что она быстро затараторила свои оправдания. Но потом сказали ей что-то такое, отчего она сразу обрадовалась и заулыбалась.

Выбравшись из телефонной будки, комсомолка Натка поправила синюю косынку и вскинула на плечи не очень-то тугий походный мешок.

Ждать ей пришлось недолго. Вскоре рывкнул гудок, у подъезда вокзала остановилась машина, и крепкий старик с орденом распахнул перед Наткой дверцу.

- И что за горячка? - выбранил он Натку. - Ну, поехала бы завтра. А то "дядя", "жалко"... "поезд в пять часов"...

- Дядя, - виновато и весело заговорила Натка, - хорошо тебе - "завтра". А я и так на трое суток опоздала. То в горькоме сказали: "завтра", то вдруг мать попросила: "завтра". А тут еще поезд на два часа... Ты уже много раз был в Крыму да на Кавказе. Ты и на бронепоезде ездил и на аэроплане летал. Я однажды твой портрет видела. Ты стоишь, да Буденный, да еще какие-то начальники. А я нигде, ни на чем, никуда и ни разу. Тебе сколько лет? Уже больше пятидесяти, а мне восемнадцать. А ты - "завтра" да "завтра"...

- Ой, Натка! - почти испуганно ответил Шегалов, сбитый ее бестолковым, шумным натиском. - Ой, Натка, и до чего же ты на мою Маруську похожа!

- А ты постарел, дядя, - продолжала Натка. - Я тебя еще знаешь каким помню? В черной папахе. Сбоку у тебя длинная блестящая сабля. Шпоры: грох, грох. Ты откуда к нам приезжал? У тебя рука была прострелена. Вот однажды ты лег спать, а я и еще одна девчонка - Верка - потихоньку вытащили твою саблю, спрятались за печку и рассматриваем. А мать увидела нас да хворостиной. Мы - реветь. Ты проснулся и спрашиваешь у матери: "Отчего это, Даша, девчонки режут?" - "Да они, проклятые, твою саблю вытащили. Того гляди, сломают". А ты засмеялся: "Эх, Даша, плохая бы у меня была сабля, если бы ее такие девчонки сломать могли. Не трогай их, пусть смотрят". Ты помнишь это, дядя?

- Нет, не помню, Натка, - улыбнулся Шегалов. - Давно это было. Еще в девятнадцатом. Я тогда из-под Бессарабии приезжал.

Машина медленно продвигалась по Мясницкой. Был час, когда люди возвращались с работы. Неумолчно гремели грузовики и трамваи. Но все это нравилось Натке - и людской поток, и пыльные желтые автобусы, и звенящие трамваи, которые то сходились, то разбегались своими путанными дорогами к каким-то далеким и неизвестным ей окраинам: к Дангауэровке, к Дорогомилровке, к Сокольникам, к Тюфелевой и Марьиной рощам и еще и еще куда-то.

И, когда, свернув с тесной Мясницкой к Земляному валу, шофер увеличил скорость так, что машина с легким, упругим жужжанием понеслась по асфальтовой мостовой, широкой и серой, как туго растянутое суконное Одеяло, Натка сдернула синий платок, чтобы ветер сильнее бил в лицо и трепал, как хочет, черные волосы.

В ожидании поезда они расположились на тенистой террасе вокзального буфета. Отсюда были видны железнодорожные пути, яркие семафоры и крутые асфальтовые платформы, по которым спешили